

Однако звук падения так и не раздался, а Гу Минъюй почувствовал удар палкой по голове. Открыв глаза, он увидел Чжоу Чэна с недовольным лицом — видимо, его постигла та же участь.

Оказалось, мальчик привязал верёвку к балке крыши, закрепив другой конец на своей талии, специально спрыгнул, чтобы напугать их, а пока они закрывали глаза, ударил их палкой по головам. Теперь он отвязался, стоя на земле и громко смеясь, дразня их дураками.

— Чжоу Чжи, ты негодяй! Осмелся, давай подеримся! — Чжоу Чэн сунул свой рюкзак в руки Гу Минъюя и бросился на двоюродного брата, и они начали драться, носясь по двору. Гу Минъюй спокойно наблюдал за ними.

Чжоу Чжи был двоюродным братом Чжоу Чэна, на два года старше, ему уже исполнилось одиннадцать, и после летних каникул он должен был пойти в пятый класс. Каждые летние и зимние каникулы его отправляли в деревню — не потому что за ним некому было присмотреть, а потому что Чжоу Чжи был невероятно непоседливым, родители не справлялись и хотели хотя бы месяц-два пожить спокойно.

Чжоу Чэн и Чжоу Чжи с детства были в отношениях «люблю-ненавижу», при встрече сразу дрались, а после — снова играли вместе. Чувства между ними нельзя было назвать глубокими, но и плохими тоже.

Гу Минъюй был другим. Если Чжоу Чжи его обижал и не собирался извиняться, делая вид, что ничего не произошло, Гу Минъюй с этим не мирился.

Особенно это проявилось за обедом. Чжоу Чжи устроил истерику, требуя перенести еду в гостиную на журнальный столик, чтобы есть перед телевизором. Когда бабушка Чжоу Чэна отказалась, он швырнул палочки для еды. Те, испачканные в соусе, прилетели прямоком в лицо Гу Минъюю, оставив противное жирное ощущение. Гу Минъюй взял салфетку, которую протянул Чжоу Чэн, и холодно наблюдал, как Чжоу Чжи, на три года его старше, катается по полу в истерике. В конце концов бабушке ничего не оставалось, как согласиться.

Чжоу Чжи радостно закричал и пригласил Гу Минъюя и Чжоу Чэна присоединиться.

Чжоу Чэн заколебался и посмотрел на Гу Минъюя.

— Хочешь идти — иди, на меня что смотришь? — Гу Минъюй спокойно продолжал есть, его движения и манера держаться были удивительно изящны, словно у взрослого. Бабушка и дедушка Чжоу Чэна очень его любили.

Чжоу Чэн хотел посмотреть телевизор, но в то же время не хотел оставлять Гу Минъюя. Пока он раздумывал, Чжоу Чжи закричал:

— Чжоу Чэн, ты идёшь? Уже начали «Летящего мечника Ли»!

Увидев, что Чжоу Чэн не двигается с места и только смотрит на Гу Минъюя, Чжоу Чжи презрительно поднял бровь:

— Чего ты на него уставился? Хочешь — иди, не хочешь — не надо! Как девчонка, всё время церемонится!

Хотя Чжоу Чэн пробормотал, что Минъюй не девчонка, он не смог устоять перед искушением посмотреть «Летающего мечника Ли». Бросив на прощание Гу Минъюю «Я пошёл», он взял свою тарелку и отправился в гостиную. Дома Чэнь Линлин, чтобы он не отвлекался на телевизор и учился, даже не подключала антенный кабель. Несколько раз они с Минъюем, пользуясь тем, что Чэнь Линлин задерживалась, бегали смотреть телевизор к Гу Минъюю.

Слушая доносящийся из гостиной шум, Гу Минъюй на мгновение замер с палочками в руке, и его неприязнь к Чжоу Чжи усилилась.

В доме бабушки Чжоу Чэна Гу Минъюй, естественно, жил в одной комнате с Чжоу Чэном. Пол на втором этаже был деревянным, и при ходьбе раздавался лёгкий скрип. Кровать была старинной, с резными узорами, снаружи — полог с крючками, стиль очень традиционный. Края кровати были значительно выше матраса, так что не было риска упасть ночью.

Вообще-то, Чжоу Чэн спал не очень спокойно. Когда Гу Минъюй только начал ночевать у Чжоу Чэна, тот спал снаружи, а Минъюй — внутри. Но Чжоу Чэн по ночам так ворочался, что частенько скатывался на пол, и тогда они поменялись местами. Безопасность была обеспечена, вот только Чжоу Чэн, как только крепко засыпал, непременно перекатывался к Минъюю и обнимал его.

Гу Минъюй очень не любил, когда к нему прижимались во сне, но как ни буди Чжоу Чэна — не добудишься, приходилось мириться. Увидев, что на этой резной кровати не страшно упасть, и всё ещё злясь из-за происшествия за обедом, Гу Минъюй отказался спать снаружи и во время послеобеденного сна плотно прижался к стене, не позволяя Чжоу Чэну даже прикоснуться.

Городок Кушуй был типичным посёлком на воде к югу от Янцзы, совсем не похожим на уездный город. Прямо за их комнатой протекала река, дома стояли вдоль берега, причём второй этаж сильно нависал над первым, снизу подпираемый отличной водостойкой древесиной, рядами аккуратных столбов, а вода текла прямо под ними.

Говорят, раньше уровень воды в этой реке был выше, и тогда рынок в Городке Кушуй устраивали прямо на воде. Торговцы на лодках плыли по каналу, выкрикивая свой товар, а жители посёлка, стоя на втором этаже своих домов, могли просто помахать рукой, и лодка подплывала, чтобы они могли выбрать покупки.

Но сейчас это уже было невозможно, уровень воды сильно упал, и хотя лодки ещё ходили, устроить водный рынок было уже несбыточной мечтой.

У дедушки Чжоу Чэна была лодка, целиком деревянная, выглядевшая очень древней. Дедушка

часто плавал на ней в поле за овощами, а затем отвозил их на продажу на новый рынок в посёлке. В Городке Кушуй ярмарки устраивались в дни, кратные двум, пяти и восьми. На второй день после приезда Гу Минъюя как раз было двадцать пятое число по лунному календарю, и дедушка с вечера договорился взять их на базар.

Гу Минъюй встал на рассвете и, подумав, разбудил крепко спящего Чжоу Чэна. Было чуть больше пяти утра, Чжоу Чэн был сонный и вялый, даже умывался, пока Гу Минъюй водил ему по лицу полотенцем, словно стирал на стиральной доске. Чжоу Чэн даже заподозрил, что Гу Минъюй на самом деле хотел потереть полотенце, а не помочь ему умыться.

Гу Минъюй впервые собирал овощи в поле и впервые ехал на деревенскую ярмарку. Хотя он старался сдерживаться, от возбуждения его щёки порозовели. Он и Чжоу Чэн сидели на борту лодки, а дедушка, собрав и связав овощи, перебрасывал их им, чтобы они складывали в лодку. Только что собранные овощи были очень свежими, на них ещё блестела роса, и вскоре рубашки Гу Минъюя и Чжоу Чэна промокли.

Гу Минъюй никогда не ходил с голым торсом на людях, а Чжоу Чэн то и дело тыкал его пальцем в грудь, то говоря, что он слишком белый, то что слишком худой и нет мяса. Раздосадованный Гу Минъюй, не дожидаясь, пока одежда высохнет, натянул её обратно. К счастью, летнее солнце быстро подняло температуру, и слегка влажная одежда не грозила простудой.

Когда дедушка собрал овощи и выловил несколько рыб, они отправились на рынок. Сегодня, чтобы позаботиться о двух мальчишках, они выехали намного позже обычного. Подъехав к рынку, знакомые дедушки, помогая ему разгрузаться, спросили:

— Старина Чжоу, что так запоздал сегодня? Ждём-не дождёмся.

— Внучат привёз, малыши рано не встают, — улыбнулся дедушка, указывая на сидящих на носу лодки парней.

— О, это твои Чжоу Чэн и Чжоу Чжи?

— Мой старший внук не встанет, пока солнце в зените не окажется. Это сын коллеги моей невестки, с Чжоу Чэном приехал погостить, — объяснил дедушка Чжоу.

— А, понятно. Ребёнок-то смирный, не похож на твоего озорника.

Дедушка Чжоу Чэна расставил свой овощной прилавок на рынке, а Чжоу Чэн повёл Гу Минъюя бродить по базару. Деревня не город: здесь дети могли свободно бегать, не вызывая у родителей страха, что их украдут. В посёлке все друг друга знали, каждый, кто видел Чжоу Чэна, тепло с ним здоровался и спрашивал о Гу Минъюе.

— Чжоу Чэн, мама тебе братика родила?

Гу Миньюй злился и бросал на них сердитые взгляды, но его большие круглые глаза, белорозовые щёки и надутые от злости губы делали его только милее. Люди, зная, что он, должно быть, ровесник Чжоу Чэна, специально дразнили его. А перед уходом хватали с прилавков горсть угощений и набивали ими карманы мальчиков.

За время прогулки по рынку они не потратили ни копейки, но сладостей наелись досыта.

Поселковый рынок был невелик, и они обошли его всего за пару часов, к десяти утра. Им нужно было дождаться, пока дедушка продаст овощи, чтобы возвращаться. Стало скучно, и тогда Чжоу Чэн сбегал и одолжил у кого-то велосипед, заявив, что научит Миньюя кататься.

В детстве у Гу Миньюя был трёхколёсный велосипед, и Гу Хуайли снял с него два вспомогательных колесика, чтобы сын тренировал равновесие. Поэтому Гу Миньюй всегда был уверен в своих навыках езды. Услышав, что Чжоу Чэн собирается его учить, он не стал отказываться, а просто стоял и смотрел, как тот будет ехать.

Тот велосипед был взрослым, седло высоким. Чжоу Чэн, усевшись, лишь кончиками пальцев едва доставал до педалей. Глядя, как он дрожит от напряжения, Гу Миньюй за него волновался.

Сев на велосипед, Чжоу Чэн сам испугался — уж очень он был высок. Но перед Гу Миньюем он не мог ударить в грязь лицом, изо всех сил проехал несколько метров. И как раз в тот момент, когда он обернулся, чтобы похвастаться перед Миньюем, переднее колесо наехало на камень, и велосипед мгновенно потерял равновесие.

Чжоу Чэн вскрикнул — казалось, падения не избежать.

<http://bllate.org/book/15446/1371480>